

9-12

13
ИСТОРИЙ

КОПИЛКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КНИГА 2

»» ИСТОРИИ О ДЕНЬГАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ ««

13 ГЕРОЕВ. 13 УРОКОВ.

ЭКОНОМИЯ

ПОКУПКИ

ТЕРПЕНИЕ

ВЫБОР

ПОДАРКИ

ПОМОЩЬ

ЦЕЛЬ

ЕГОР КАЛЕВИН

Егор Калевин

Копилка приключений, книга 2

«Автор»

2026

Калевин Е.

Копилка приключений, книга 2 / Е. Калевин — «Автор», 2026

Тринадцать коротких историй о деньгах для детей 9–12 лет. Есения тратит всё в понедельник и до пятницы живёт на бутербродах. Саша покупает игрушку сестре, а через двадцать минут находит её же на сто рублей дешевле. Марьяна копит на синий велосипед, который кажется бесконечно далёким. Никита получает странное сообщение в чате и почти отдаёт пин от карты незнакомцу. Каждый герой в чём-то оступается — и каждый находит выход не потому, что взрослый прочитал ему лекцию, а потому что сам посчитал, поспорил с собой, попробовал по-другому. Книга не даёт готовых правил и не морализирует — она помогает ребёнку увидеть, как принимаются денежные решения, и почувствовать, что с деньгами можно разобраться. Как и со всем остальным на свете.

© Калевин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Копирайт	5
Оглавление	6
Предисловие	7
Пять конвертиков	8
Три магазина плюшевого кота	13
Скидка на скидку	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Егор Калевин

Копилка приключений, книга 2

Копирайт

© 2026 Егор Калевин. Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена, скопирована или распространена в любой форме и любыми средствами без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Все имена, персонажи и ситуации, описанные в этой книге, являются художественным вымыслом и созданы в образовательных целях. Любые совпадения с реальными людьми, местами или событиями случайны.

Суммы денег, цены и финансовые ситуации в историях приведены как иллюстрация к обсуждаемым темам и не являются финансовой, юридической или иной консультацией.

Иллюстрации в этой книге созданы с использованием технологий генеративного искусственного интеллекта.

Оглавление

[Пять конвертиков](#)
[Три магазина плюшевого кота](#)
[Скидка на скидку](#)
[Кузнец за Изумрудного дракона](#)
[Женщина с зелёным шарфом](#)
[Пломбир по 40 и по 55](#)
[Синий велосипед и двадцать месяцев](#)
[Розыгрыш от Ромы](#)
[Чек в ящике с магнитами](#)
[Будильник в среду в семь вечера](#)
[Кран, свет и роутер](#)
[Компас на брелке](#)
[Что даёт и что съедает](#)

Предисловие

Привет, читатель!

Ты когда-нибудь стоял у кассы с горсткой мелочи в кулаке и думал: хватит или не хватит? Ждал понедельника — дня карманных — как самого важного дня недели? Замечал, что один и тот же плюшевый кот в двух соседних магазинах стоит по-разному? Если такие мысли тебе знакомы, ты открыл нужную книгу.

Здесь тринадцать историй про ребят вроде тебя. Есения тратит всё в понедельник и до пятницы живёт на бутербродах. Саша покупает игрушку сестре, а через двадцать минут находит её же на сто рублей дешевле. Марьяна копит на синий велосипед, который кажется бесконечно далёким. Никита получает странное сообщение в чате и почти отдаёт пин от карты незнакомцу.

Каждый герой в чём-то оступается. И каждый находит выход — не потому что взрослый прочитал ему лекцию, а потому что сам посчитал, поспорил с собой, попробовал по-другому.

Читать книгу можно по порядку, с первой страницы до последней. А можно наоборот — открыть на середине, там, где интересно. Копишь на что-то большое? Начни с седьмой истории. Недавно нашёл в кармане старый чек? С девятой. Правильного маршрута нет.

Останавливайся там, где интересно. Спрашивай себя: как бы поступил я? Что посчитал бы, а на что махнул рукой? Взрослые, которые лучше всех разбираются в деньгах, — это в первую очередь те, кто в детстве не боялся спросить: «А почему это столько стоит?».

Устраивайся поудобнее и переворачивай страницу. Впереди — тринадцать историй и тринадцать маленьких открытий. С деньгами можно разобраться. Как и со всем остальным на свете.

Хорошего чтения!

Пять конвертиков

Есения любила понедельники. Утром мама выдавала ей карманные на неделю — сложенную вчетверо купюру в тысячу рублей и мелочь на сдачу. Есения разглаживала купюру, тилтила голову набок, будто прикидывала, каким шрифтом лучше подписать конверт: с завитками или строгий.

Свои конвертики она делала сама. По воскресеньям, ближе к вечеру, вытаскивала из ящика в письменном столе старые открытки, оставшиеся от бабушки, — с ромашками, с зайцами, с новогодними ёлками в снегу. Разрезала их пополам детскими ножницами с оранжевыми ручками. Склеивала три стороны обычным клеем-карандашом, а на четвёртой оставляла клапан, чтобы можно было вынуть содержимое, не порвав. Каждый она подписывала аккуратно, коричневой гелевой ручкой. У неё в кардигане обычно жило пять маленьких конвертиков, все с разными именами: «Овсянка», «Мышонок», «Синий кит», «Полярник», «На всякий пожарный». Правда, до сих пор она в конверты ничего не клала — просто носила их с собой, потому что нравился шелест. Иногда на большой перемене она вытаскивала их из кардигана, раскладывала веером на подоконнике у окна старшей рекреации и разглядывала. Кто-то из одноклассниц пробежал мимо и спрашивал: «Есь, ты что, письма пишешь?». Есения загадочно улыбалась и убирала конвертики обратно.

В этот понедельник Есения положила тысячу в карман целиком, поверх конвертиков. Купила булочку с изюмом за пятьдесят, потом сок за девяносто, потом резинку для волос за двести — коралловую, под кардиган. На большой перемене к ней подошла подруга Маруся с двумя тонкими браслетами из бисера — «за сотню отдам, я новых наплела». Есения взяла

оба. Домой она возвращалась в приподнятом настроении: два браслета, коралловая резинка, к тому же в буфете завтра брала себе кексик — уже посчитано. К обеду в кармане оставалось четыреста восемьдесят. К обеду среды — тридцать пять. К ужину среды — ноль.

Есения не сразу поняла, что случилось. В среду на большой перемене она подошла к буфету за компотом. Компот стоил тридцать. Она достала последние тридцать пять, взяла компот и, разглядывая свою мелочь, обнаружила: последние пять рублей — и ничего больше на два дня. Ни на булочку в четверг, ни на пятничный сок. В голове у неё пронеслось короткое, но острое: «А ведь понедельник был только вчера. Ну, позавчера». Она молча выпила компот у окна, посмотрела на других: одноклассник Ромка спокойно доставал сотку, платил за пончик, ещё сотку — за сок, и уходил, не глядя на кошелек. Есения тилтила голову.

— Мам, — сказала Есения, стоя в дверях кухни. — А можно ещё?

Мама подняла глаза от ноутбука. Она не рассердилась. Она даже не удивилась. Она просто медленно закрыла ноутбук, и по её лицу пробежала тень, которую Есения не могла назвать словом, но узнала бы теперь везде.

— Есь, — сказала мама. — Это второй раз за месяц.

Есения тилтила голову набок. Пол под ногами казался немного скользким.

— Я знаю.

— Ты понимаешь, что это не про деньги? Мы можем прожить. Я про то, что тебе неудобно теперь просить, а мне неудобно давать. Мы с тобой в неловкость упёрлись.

Есения кивнула. Она никогда раньше не думала про неловкость как про предмет — как про стул, о который можно ударить коленом. Мама открыла ящик, достала три сотни, положила на стол. Сверху положила ладонь. Есения смотрела на маленькие сухие складочки на маминых пальцах.

— Возьми. Но давай в воскресенье поговорим.

Есения взяла деньги, поблагодарила и ушла в комнату. Она села на пол у окна, вытащила из кармана все пять конвертиков и разложила перед собой. «Овсянка», «Мышонок», «Синий кит», «Полярник», «На всякий пожарный». Она долго на них смотрела.

В четверг после школы приехал старший брат Тёма. Он учился в другом городе и приезжал по четвергам. У Тёмы была шумная сумка, в которой всё время что-то звенело, и коричневая куртка с большим количеством карманов. Есения сидела с ним на кухне, крутила в руках самый маленький конвертик — «Овсянка».

— Ты чего? — спросил Тёма.

Есения молчала. Тёма посмотрел на неё и понял, что нужно спрашивать по-другому.

— Стряслось что?

— Опять деньги кончились в среду.

— А сколько было?

— Тысяча.

Тёма присвистнул. Он снял куртку, повесил её на стул и сел напротив.

— Знаешь, у меня в первом семестре была та же беда. Стипендия приходит первого, к десятому кончается, потом три недели живёшь на макаронках и стыдно. Однажды я так дошёл, что попросил у соседа по общежитию пятьдесят рублей на хлеб. Он мне их дал, конечно, но сказал: «Тём, у тебя же стипендия в семь раз больше. Куда всё девается?». Я тогда пожал плечами и ответил, что «просто так». А сосед посмотрел на меня и сказал: «Значит, ты не знаешь, куда деньги уходят. А кто не знает — тот всегда без денег к десятому». — Тёма вытащил из своего кармана пачку одинаковых бумажек, старых чеков и купюр, и стал раскладывать перед собой. — Он мне тогда показал трюк. Он их пять штук делал. Пять кучек. Не одна кубышка, а пять.

Есения перевела взгляд с Тёминых рук на свои конвертики. Она даже не поняла сразу, что улыбается.

— У меня тоже пять, — сказала она тихо. — Только они пока пустые.

— Ну и отлично. Смотри. Первая — «еда» на неделю. Считай: булочка на переменах, сок — пусть будет триста. Вторая — «школа»: тетрадка, если понадобится, ручка, ластик — сто пятьдесят. Третья — «на глупости». Это не осуждающее слово. Это тебе на резинки, наклейки, стикеры. Пусть будет двести. Четвёртая — «подарки»: если у кого день рождения, чтоб не оказалось, что не на что. Двести. Пятая — «на чёрный день». Сто пятьдесят. Складывай, и у тебя ровно тысяча.

Есения быстро сложила. Тысяча получалась. Она смотрела на конвертики так, как будто впервые их увидела.

— А если конверт «на глупости» кончился в среду?

— Значит, до понедельника — без глупостей. Не лезешь в «еду». «Еда» — святое. И не лезешь в «на чёрный день». Он потому и «чёрный», что тратится только по-настоящему.

— А если конверт «еда» кончился, а есть хочется?

Тёма улыбнулся.

— Ну, тогда идёшь домой. Дома щи есть. Понимаешь, конвертики — это не про строгость. Это про то, чтобы ты знала. Чтобы в среду не было сюрприза.

Есения вдруг увидела, что мама стоит в дверях. Она давно там стояла и, кажется, слушала. Мама встретилась с ней глазами и сделала жест — маленький, как будто отряхивала ладонь. Есения знала этот жест. Он значил «действуй сама, я рядом».

В понедельник мама снова выдала тысячу. Есения принесла её к себе, села на пол у окна и разложила конвертики в ряд. Достала три сотни в «Еду», сто пятьдесят — в «Школу», двести — в «На глупости», двести — в «Подарки», сто пятьдесят — в «На чёрный день». Купюр не хватало по номиналу, поэтому она мысленно записала карандашом: «в среду разменяю». Клапаны она аккуратно закрыла и переложила стопкой в кардиган. В кармане сразу стало тяжелее, но не как раньше, когда там просто болталась тысяча, а по-другому — как будто у каждой бумажки появилось имя.

Во вторник Есения купила булочку и сок, только сок теперь брала не за девяносто, а за пятьдесят пять — тот, что попроще. В среду ей захотелось наклейку с котом. Она вынула конвертик «На глупости» и увидела, что там лежит ровно двести. Ровно двести — и всё. Наклейка стоила сто двадцать. Есения купила её, вернула в конверт восемьдесят и в первый раз в жизни поняла, что «остаток» — это не «мало», это «ещё осталось».

В пятницу вечером она снова сидела на полу у окна. В конверте «Еда» лежало пятнадцать рублей — они негодились, потому что булочка в четверг оказалась не такой уж и нужной. В «Школе» ждали неистраченные сто пятьдесят: тетрадка не понадобилась. «На глупости» — восемьдесят. «Подарки» — двести, не тронуты. «На чёрный день» — сто пятьдесят, тоже как есть.

Есения тилтила голову набок и смотрела на конвертики. За окном шёл косой апрельский дождь, стекло было в мелких каплях. Она достала из ящика новый пустой конвертик, старательно склеила его из половинки открытки, надписала: «Мелочь после». Ссыпала в него всё, что осталось: пятнадцать, сто пятьдесят, восемьдесят.

На кухне мама варила кашу. Есения зашла и, не глядя маме в глаза, положила «Мелочь после» на разделочный стол.

— Двести сорок пять, — сказала она. — Не пригодилось на этой неделе.

Мама посмотрела на неё через плечо. Ложка в её руке замерла.

— В следующий понедельник, — сказала Есения, — можно я эти двести сорок пять просто добавлю к конвертику «На чёрный день»? Он потолще станет.

Мама медленно вернула ложку в кашу.

— Можно.

Есения ушла в комнату и села у окна. Дождь шёл ровно. В кардигане тихо шуршали пять конвертиков и один новый, шестой, — потому что теперь у неё была и «мелочь после».

Три магазина плюшевого кота

У Саши в кошельке лежало девятьсот рублей и точный план. У Мари, младшей сестры, послезавтра день рождения. Мари уже месяц засыпала, обнимая старую собаку из плюша, которая давно потеряла лапу и один глаз. Собака теперь спала на левом боку, потому что правый бок у неё был подшит крест-накрест толстой суровой ниткой — сначала бабушка чинила, потом мама, потом Саша сам, — но и это его починка последняя, потому что ткань уже расходилась в двух местах. По вечерам Мари обнимала собаку так, чтобы не задевать заплатки. Она никому об этом не говорила, но Саша замечал.

У Саши в голове был чёткий образ, кто заменит эту собаку: серый плюшевый кот с длинным пушистым хвостом, с надписью «зевака» на пузе. Такой стоял в витрине магазина «Игромания» в торговом центре на Ключевой. Саша видел его в среду, когда мама завозила туда возвращать блендер. Кот тогда посмотрел на Сашу через стекло витрины, и Саша про себя пообещал: «Ты идёшь к Мари». Он даже мысленно сложил план: приезжает в субботу, покупает, кладёт в пакет, дома вечером под подушку — и в понедельник утром Мари находит.

В субботу Саша поехал на автобусе один. Мама уточнила, что у него полный кошелёк, значит, полная ответственность. Саша согласился. У него на шее висел маленький детский

калькулятор на бисерной верёвочке — папа подарил на девять лет с надписью «инженер». Саша с ним не расставался, потому что «просто удобно, когда цифры под рукой».

Торговый центр в субботу гудел, как большой холодильник. Саша прошёл сквозь толпу, доехал на эскалаторе, свернул налево. Двери «Игромании» распахнулись автоматически. Внутри пахло новыми коробками и клеем. Саша сразу увидел кота на верхней полке справа — серого, с длинным хвостом, точно того. Ценник — восемьсот пятьдесят.

— Здравствуйте, я вот этого, — сказал Саша, показывая пальцем на верхнюю полку. Продавщица улыбнулась и достала кота. Саша большим пальцем стукнул по калькулятору: $900 - 850 = 50$. На открытку не хватит, ну и ладно. Он расплатился, попросил пакет с ручкой и вышел с котом на руках.

По дороге к выходу Саша прошёл мимо второй игрушечной лавки. Она была меньше «Игромании» и называлась не так громко — «Плюш-плюш». Саша хотел просто пройти дальше, но краем глаза заметил на витрине точно такого же серого кота. С длинным хвостом. С надписью «зевака». Он остановился.

Кот в «Плюш-плюш» стоил семьсот.

Саша заморгал. Он ещё раз посмотрел на ценник, на кота, на своего кота в пакете. Потом достал того, что купил, и оба зевали на него — тот, что в пакете, и тот, что в витрине. Одинаковые. Точно те же. Только у одного ценник восемьсот пятьдесят, а у второго — семьсот.

В груди у Саши стало неровно. Первая мысль — «сделаю вид, что не заметил». Идти домой, положить кота под подушку сестре, никто не узнает. Мама не спросит, где сдача, потому что кошелек был Сашин. Всё чисто.

Вторая мысль догнала первую и пошла с ней рядом. Мама не спросит. Мама вообще ни разу не проверяла его сдачу. И именно поэтому у него полный кошелек каждую субботу. Именно поэтому у него есть маленький калькулятор на шее и право ехать одному в торговый центр. Саша стоял и смотрел на кота.

— Нужна помощь? — спросил его продавец «Плюш-плюш», молодой парень с наушниками, свисающими из-под воротника.

— Пока нет. Спасибо.

Саша вышел из «Плюш-плюш» и медленно пошёл дальше по галерее. Ноги сами понесли его до третьего магазина — «Куклы и звери», совсем маленького, между парикмахерской и обменником. Он сам не понял, зачем зашёл. Но там, на нижней полке, лежал ещё один серый кот. Всё тот же. Ценник — семьсот пятьдесят.

Саша присел на корточки перед стеллажом. Он смотрел на кота снизу, кот смотрел на него сверху — с той же надписью «зевака» на пузе. Продавщица магазинчика — пожилая женщина в очках, с книжкой в мягком переплёте на коленях — оторвалась от чтения и спросила:

— Что-то посмотреть?

— Смотрю. А почему у вас за семьсот пятьдесят, а у соседей за семьсот?

Она пожала плечами. Не обиделась, не поспорила.

— Мы этих котов заказываем по десять штук в месяц. Соседи — по пятьсот. У них скидка от поставщика. Мы такую же не получим. Поэтому у нас всегда чуть дороже. Но и берут у нас его в основном родители: у них дети рядом в парикмахерской, ждут, и они по дороге заходят. Мы не гоняемся за самым дешёвым — не про то работа.

Саша кивнул. Он поблагодарил и вышел на галерею.

Три магазина. Один кот. Три цены: восемьсот пятьдесят, семьсот, семьсот пятьдесят. Разница между самой высокой и самой низкой — сто пятьдесят рублей. Сто пятьдесят рублей — это, между прочим, тетрадка, три ластика и большая шоколадка. Или музыкальная открытка. Или пачка стикеров с котами, которую Мари увидит и завизжит.

Саша сел на скамейку в галерее между двумя фикусами в кадках. Он большим пальцем стукнул по калькулятору просто так, ничего не считая, — движение помогало думать. Он вспомнил папину фразу, которую тот повторял, когда мама рассказывала про какую-нибудь дорогую покупку: «Всегда сравнивай. Хотя бы три места. Хотя бы три». Раньше Саша считал, что папа это говорит для взрослых. Оказалось, что и для десятилетнего мальчика с калькулятором на шее.

Саша вернулся в «Игроманию». Продавщица его помнила.

— Мне нужно вернуть, — сказал Саша. Он старался говорить обычным тоном, но внутри что-то громко стучало. — Я не то выбрал.

— Что-то не понравилось? — спросила она.

— Нет, всё хорошо. Просто я нашёл ошибку в своём плане.

Продавщица посмотрела на него и уголками рта улыбнулась. Она не стала спорить.

— Чек?

Чек был. Саша всегда брал чек. Он не знал зачем, но папа говорил, что чек — это как страховка. Через две минуты у Саши в кошельке снова лежало восемьсот пятьдесят рублей.

Он вернулся в «Плюш-плюш». Пузатенький серый зевака сидел ровно на том же месте. Саша большим пальцем стукнул по калькулятору: $850 + 50$ (сдача его первая) $= 900$. Минус 700 — двести. Двести — это открытка. Или даже открытка и стикеры.

Он купил кота. Прижал к груди. Пошёл к выходу.

По дороге ему попала лавка с открытками. У витрины была совсем малявочная коробочка с музыкальными: нажимаешь — она играет короткую мелодию. Саша перебрал восемь штук, пока не нашёл ту, что играла «Happy Birthday», но не как в мультике, а как в старом фильме — с шуршащим фортепиано. Сто пятьдесят рублей. Он купил. В кошельке осталось пятьдесят — как и было бы, если бы он ничего не переиграл. Только на груди у него теперь сидел не только серый кот, но и коробочка с открыткой.

По дороге на автобус Саша ещё раз пересчитал в уме. У него теперь на руках было: кот за семьсот, открытка за сто пятьдесят, в кошельке пятьдесят рублей мелочью. Он всегда любил такие моменты, когда цифры сходятся. Не потому что был скупой — а потому что цифры были для него как чистые линии на бумаге. Если они складываются в ровный рисунок — значит, всё правильно.

Дома мама варила суп. Саша прошёл в комнату Мари, положил кота на её подушку, а открытку — рядом. Потом вернулся на кухню и просто рассказал маме всё как было: и как купил, и как увидел в другом магазине дешевле, и как вернулся, и как в третьем оказалось ещё одна цена, и что теперь у сестры и кот, и открытка.

— И зачем ты калькулятором пользуешься, если все три цены такие ровные, что и без него можно было? — улыбнулась мама.

— С калькулятором быстрее. И меньше шансов ошибиться, когда голова гудит.

— Мудрый ты, — сказала мама. Она сказала это ровно, буднично, — как «включи свет».

В понедельник у Мари был день рождения. Она визжала. Она обнимала кота. Потом внезапно нашла в открытке коробочку с музыкой, включила её, и открытка запела фортепиано. Мари захохотала, обняла Сашу, потом снова обняла кота, потом снова открытку. Саша сидел и большим пальцем щёлкал по калькулятору просто так — не считал ничего, а просто чтобы что-то было в руках.

Мама подмигнула ему из-за плеча Мари.

— Двести рублей — это всегда была наша сестрёнкина музыкальная открытка, — тихо сказал ей Саша. — Просто я не знал.

— Теперь знаешь, — сказала мама.

Скидка на скидку

Секонд-хенд «Заново» открылся в конце марта, и весь пятый «Б» уже успел там побывать. К пятнице у половины класса появились одинаковые толстовки с надписью «brave» и разные цветные банданы. Полина в четверг пришла в жёлтой с надписью «disco» и всей перемене рассказывала, что «шестьсот рублей, представляете!» — тогда как в обычном магазине такая же стоила бы «тысячи полторы точно». Лера слушала и накручивала в голове план: в субботу иду.

Лера пришла в первую субботу апреля — с подругой Таем, в новых кроссовках и с большой сумкой-шоппером через плечо. На ремне сумки у Леры была большая тряпичная брошь-сердце, которую она сделала сама из старой майки. Сердце дрожало в такт шагам. У Леры было в кошельке две тысячи двести — карманные за два месяца, которые она специально не тратила именно ради этого визита. Ей казалось, что она сейчас разом одевает себя на весь сезон.

«Заново» пах чем-то средним между старой курткой и новой краской. По стенам висели гирлянды красных бирок «-30%», «-50%», «-70%». В центре зала стоял манекен в бархатном пиджаке. Из колонок звучала песня, которую Лера знала, но не могла вспомнить.

— Сюда, — сказала Тая и потянула Леру вглубь. — Тут толстовки.

Лера крутила в пальцах бирки. Она любила это движение — двумя пальцами захватить, чуть повернуть, чтобы прочесть цифру. Первая толстовка — оранжевая, с надписью «brave». Ценник большой, красный: «Было 1800 — стало 900». Вторая — тёмно-зелёная, с молнией по всей длине. «Было 2400 — стало 1200». Третья — просто чёрная. «Было 1400 — стало 700».

— Тая, — сказала Лера, поднимая оранжевую и зелёную над головой, как флаги. — Это же безумие. По полторы штуки экономлю.

— Ты уверена, что тебе оранжевая? — спросила Тая. У Таи был спокойный голос, немного медленный, — она всегда как будто читала книгу вслух, даже когда просто спрашивала «который час».

— Оранжевую беру. Такой у меня нет. И зелёную беру. Такой у меня тоже нет.

— А чёрную?

— Чёрная у меня есть. Тонкая.

— Лер.

— Что?

Тая достала телефон. У неё было приложение того самого «Заново» — она сохраняла все скидочные карты магазинов, где хоть раз что-то покупала. Она открыла приложение, нашла в поиске зелёную толстовку с молнией и повернула экран к Лере.

В приложении та же зелёная толстовка стоила семьсот пятьдесят рублей. Без всяких «было / стало». Просто семьсот пятьдесят.

Лера моргнула. Она посмотрела на бирку в руке. «Было 2400 — стало 1200». Потом снова на экран. Семьсот пятьдесят.

— Может, это акция только сегодня. В приложении старая цена.

— Может. А может, ты берёшь толстовку за тысячу двести, которая обычно стоит семьсот пятьдесят.

Лера присела на банкетку у примерочной. Красная бирка «-50%» стучала в груди с какой-то нездоровой громкостью. Она вдруг поймала себя на том, что оранжевую толстовку она уже мысленно надела на понедельник в школу, зелёную — на четверг с курткой хаки, и как будто уже расплатилась. Как будто скидка и есть покупка. Как будто она не тысячу восемьсот отдаёт, а сто девятьсот получает.

Тая села рядом. Она молчала.

— Слушай. А что, если и оранжевая тоже?

Тая тыкнула в поиск. Оранжевая толстовка «brave» в приложении числилась по восемьсот пятьдесят. Не «была», а «есть». Просто ровно восемьсот пятьдесят рублей.

Лера положила оранжевую на банкетку. Она положила зелёную рядом. Она смотрела на них так, как будто это были не толстовки, а два двойника, которые пришли в гости и оказались не теми, за кого себя выдавали.

— Слушай, — снова сказала она.

— Ага.

— Это же не скидка.

— Скорее наоборот.

— Так это что, они специально повышают, чтобы потом «понижить»?

— Как минимум они пишут «было» такое, какого никогда не было.

Лера тилтила голову, точь-в-точь как её младшая двоюродная сестрёнка Есения. Она даже не заметила, что делает это. Сердечко на ремне сумки как будто перестало дрожать.

— А чёрная?

Тая проверила чёрную. В приложении чёрная стоила семьсот пятьдесят. То есть на бирке «было 1400 — стало 700» была честная скидка на пятьдесят рублей — и то маленькая. Пятьдесят рублей.

Лера посидела ещё, посмотрела на все три бирки. У неё в голове стал складываться простой рисунок. Она не поленилась и переспросила у Таи:

— Слушай. Получается, они делают вид, что цены сначала выросли, — а потом снижают. Но в реальности цены не росли. Это как... как если бы я приделала к футболке за пятьсот бирку «было тысяча пятьсот, стало пятьсот» и продавала.

— Именно. Только они это делают массово.

— И это законно?

Тая пожала плечами.

— Не очень. Но пока никто не жалуется — работает. И, кстати, ходят по магазинам не с приложением, а с открытым ртом.

— Как я секунду назад.

— Как ты секунду назад.

— Значит, если брать по-честному, то чёрная — единственная, где хоть какая-то скидка. Причём копеечная.

— Причём чёрная у тебя есть.

— Тонкая.

— Тонкая, — согласилась Тая.

Лера сидела на банкетке ещё минуту. Она смотрела в потолок. Потолок в «Заново» был выкрашен в матовое оранжевое, поверх шли красные балки. Всё выглядело так, будто зашёл сюда — и уже что-то должен купить, потому что здесь так весело.

— Знаешь, — сказала Лера, — мне только что показалось, что зелёная толстовка — это не толстовка. Это тысяча двести моих рублей, которая пыталась мне сказать «привет, я скидка».

Тая рассмеялась. Смех у неё был тихий, как перелистывание страниц.

— Ты часто такое говоришь. Только когда сама с собой.

Лера встала с банкетки, взяла оранжевую и повесила обратно на вешалку. Взяла зелёную и повесила рядом. Красные бирки покачнулись. Она подошла к чёрной, посмотрела ещё раз, вспомнила, что у неё в шкафу почти такая же уже висит. И тоже вернула на плечики. Пустая ладонь показалась ей странно лёгкой.

— Значит, ничего не берём? — спросила Тая.

— Погоди.

Лера прошла в отдел ниже — с надписью «Витрина находок». Там висели старые вещи, которые уже пролежали больше месяца. Никаких красных бирок — просто маленькие белые с обычной ценой. Она перебрала подряд десять штук. Ей понравилась старая брезентовая куртка защитного цвета — но у неё внутри не хватало подкладки, и Лера отложила. Потом — тонкий шелковый шарф с рисунком из ромашек, но он был слегка порван у края. Тоже отложила. И на девятой нашла свою — серую вязаную безрукавку с крупным узором, которая её маме бы очень пошла к юбке, — за триста двадцать рублей. Без «было / стало». Просто триста двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.